

Г. Ф. КОРЗУХИНА

К ИСТОРИИ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ В СЕРЕДИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.¹

Вопрос об исторических корнях Киевской Руси является одним из самых молодых в нашей исторической науке. Несмотря на то, что данные древних авторов о славянах очень рано стали достоянием русских историков, долгое время судьбы венедов, славян и антов, которые, по словам Н. М. Карамзина, еще в IV в. н. э. «выходят на феатр истории», оставались у историков органически не связанными со всеми последующими событиями. Дворянская и буржуазная историческая наука начинала русскую историю с IX в. н. э., с появления в Новгороде и Киеве новой династии, а весь предшествующий период, как предистория, интересовал ее очень мало.

Советская историческая наука по-иному подошла к решению вопроса о сложении Русского государства. Было ясно, что Киевская Русь являлась не началом, а продолжением длительного исторического процесса на данной территории. Однако восстановить всю цепь событий, предшествовавших образованию Киевского государства, оказалось делом не легким. Исследователи сразу же столкнулись с бедностью источников по истории I тысячелетия н. э. Поэтому внимание их было сосредоточено в первую очередь на создании необходимой для работы «материальной базы». За годы Советской власти добыт огромный новый и систематизирован старый материал; пересмотрены и переосмыслены письменные источники; определены проблемы, наименее обеспеченные материалом, на которые и направлено максимальное внимание исследователей. В результате совместных усилий наши знания по истории I тысячелетия н. э. неизмеримо выросли по сравнению с тем, что было известно об этом периоде два-три десятилетия назад.

Параллельно с накоплением материалов шла работа по их интерпретации. Проблемам, связанным с историей восточного славянства в I тысячелетии н. э., посвящено большое количество работ; среди них — книга П. Н. Третьякова, «Восточнославянские племена» (1953) и много статей Б. А. Рыбакова, А. Д. Удальцова, М. И. Артамонова, И. И. Ляпушкина, М. Ю. Брайчевского и др.

Несмотря на проделанную огромную работу, значительно расширившую наши представления об историческом прошлом нашей Родины,

---

¹ Статья Г. Ф. Корзухиной представляет значительный интерес, так как посвящена ряду спорных вопросов славяно-русской археологии.

Редакция публикует ее как дискуссионную без всяких редакционных замечаний.

литература эта не свободна от ряда недостатков. Бросается в глаза чрезмерная гипотетичность ряда построений, а также обилие разнообразных концепций, взаимно исключающих друг друга. В противоречие вступают концепции не только разных авторов, но зачастую один и тот же автор с течением времени вступает в противоречие с самим собой. Желание исследователей связать разрозненные звенья в единое целое опережает возможности, предоставляемые им материалом, что чрезвычайно тормозит изучение этого сложного и исключительно важного периода.

Не следует забывать, что на археологах, владеющих основными источниками по истории I тысячелетия н. э. — вещественными памятниками, лежит особая ответственность в деле их интерпретации, так как историки, не обладающие навыками работы с археологическими источниками, во многом всецело зависят от археологов. Преподавание древнейшего периода русской истории в школе и высших учебных заведениях, школьные и университетские пособия — учебники и исторические карты — черпают сведения, в конечном счете, все из того же источника, из обобщающих работ советских археологов. Поэтому археологи должны быть максимально осмотрительны и осторожны в своих заключениях.

Между тем по ряду основных вопросов истории I тысячелетия н. э. достигнуть определенных, прочных выводов до сих пор не удалось. Не касаясь всей совокупности этих вопросов, укажу лишь, что по основному вопросу — о преемственности культуры Киевской Руси от культуры племен, населявших Среднее Поднепровье в I тысячелетии н. э., — единого мнения до сих пор не существует.

По отношению к данной проблеме сторонники самых разнообразных точек зрения делятся на два направления. Одно из них считает, что, начиная с первых веков нашей эры вплоть до Киевской Руси, развитие культуры шло на всей или на большей части территории Среднего Поднепровья непрерывно и только по восходящей линии.

Исходным моментом данной концепции является статья Б. А. Рыбакова «Анты и Киевская Русь», вышедшая в 1939 г. Основным выводом этой статьи было следующее положение: «в антах VI—VII вв. мы имеем прямых предков тех восточнославянских племен, из которых, спустя несколько столетий, сложилось Киевское государство»¹. Несмотря на то, что позже Б. А. Рыбаков отказался от многих положений этой статьи, она легла краеугольным камнем в работы целого ряда археологов, а через археологов — в работы историков, филологов и историков литературы. Она была широко использована академиком Б. Д. Грековым, академиком Н. С. Державиным, В. В. Мавродиным и многими другими. Б. Д. Греков в 1949 г. писал, что «на основании археологических наблюдений устанавливается неразрывная цепь развития общества, сидящего в Поднепровье..., цепь от скифов до Киевского государства включительно»², что VI—VIII вв. — это «период, без перерыва идущий в Киевское время»³.

Сторонники этой точки зрения либо не останавливают внимания на резких изменениях культуры населения Среднего Поднепровья на протяжении I тысячелетия н. э. (Б. А. Рыбаков), либо относятся к ним резко отрицательно, считая, что никакие события, даже вторжение гуннов, не препятствовали поступательному развитию культуры (М. Ю. Брайчевский).

¹ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1, стр. 323.

² Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 371, 372.

³ Там же, стр. 373.

В то же время в литературе имеется и другая точка зрения на исторические судьбы Среднего Поднепровья в I тысячелетии н. э. Так, П. Н. Третьяков считает, что целый ряд событий не раз нарушал ход исторического процесса в Среднем Поднепровье¹. В частности, в IV—V вв. в результате вторжения гуннов «многие смежные со степью юго-восточные области славянского Поднепровья подверглись разорению»², многие поселения эпохи полей погребений перестали функционировать, «причем в ряде мест, пограничных со степью, в частности, на Левобережье Днепра, эти факты устанавливаются, повидимому, как явление массового порядка»³. «Многие области днепровского Левобережья на долгий срок заустели», так как «славянское население отхлынуло оттуда на север»⁴. Гуннское нашествие отразилось, однако, не только на населении Левобережья. Значительный отлив населения, связанный с гуннской экспансией, наблюдается на территории всего Среднего Поднепровья в целом, в также в районе Поднестровья⁵. Тем не менее П. Н. Третьяков считает, что гуннское вторжение не уничтожило культуру полей погребений целиком. Некоторые поля погребений Среднего Поднепровья продолжали, по его мнению, служить кладбищами и V—VI вв. и даже в VII—VIII вв.; не замерла жизнь и на поселениях⁶.

Наиболее категоричен в своих выводах относительно генетических связей между культурами I тысячелетия н. э. и Киевской Руси И. И. Ляпушкин. Ведя свои наблюдения только на материалах днепровского Левобережья, он утверждает, что на Левобережье прямая линия развития от культуры полей погребений к культуре Киевской Руси прослежена быть не может. Культура полей погребений на Левобережье исчезает в V в. в связи с нашествием гуннов, культура же роменско-боршевская появляется только в VIII в. Между этими двумя культурами «оказывается хронологический разрыв в три столетия»⁷. Дело, однако, не столько в хронологическом разрыве, сколько в том, что «каждая из этих культур настолько своеобразна, что ни в одной из них мы не можем указать элементов материальной культуры, которые в какой-то мере связывали бы их»⁸. «Насколько нам известно, ни одному из исследователей до сего времени не удалось проследить преемственность памятников славянской материальной культуры VIII—X вв. от памятников полей погребений»⁹. Для периода между культурой полей погребений и роменско-боршевской, т. е. для VI—VII вв., «мы совершенно не знаем археологических памятников на данной территории»¹⁰.

И. И. Ляпушкин неизменно подчеркивает, что свои выводы он строит только на материалах Левобережья и совершенно не касается территорий на правом берегу Днепра. Однако в той или иной мере выводы его простираются и на все Среднее Поднепровье в целом. Так, когда И. И. Ляпушкин говорит, что «ни одному из исследователей до сего времени не удалось проследить преемственность» памятников роменской культуры от полей погребений, то здесь речь идет, конечно, не только о Левобережье, а о

¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1953, стр. 246, 247.

² Там же, стр. 253.

³ Там же, стр. 152.

⁴ Там же, стр. 253, 254.

⁵ Там же, стр. 152.

⁶ Там же, стр. 151, 152.

⁷ И. И. Ляпушкин. Памятники культуры полей погребений первой половины I тысячелетия н. э. днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, 1950, стр. 25.

⁸ Там же.

⁹ И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. КСИИМК, XII, 1946, стр. 117, 118.

¹⁰ Там же, стр. 118.

всей территории Среднего Поднепровья. Хочет И. И. Ляпушкин или нет, но его периодизация, основанная на материалах только Левобережья, вольно или невольно распространяется им же самим на Среднее Поднепровье в целом. Так же она воспринимается и многими другими исследователями.

* * *

Камнем преткновения в изучении истории Среднего Поднепровья в I тысячелетии н. э. является период VI—VII вв., наименее обеспеченный материалом.

Письменных источников для периода VI—VII вв. мы не имеем. Я не разделяю точку зрения наших историков и археологов на возможность безоговорочного использования данных византийских историков о славянах и антах Дунайского бассейна для реконструкции экономики, социальных отношений, политических интересов, культуры, быта, нравов, военной тактики и пр. у населения Среднего Поднепровья. Если это иногда и делали историки, ограниченные источниками, то кому, как не археологам, известно, как отличны культуры микрорайонов, как много локальных особенностей в пределах даже одного водного бассейна, как резко очерчиваются границы отдельных племен. Отождествление общественно-экономического облика дунайских антов и днепровских племен было сделано русской исторической наукой еще тогда, когда критика источников и методика исторического исследования находились в младенческом состоянии. Как ни мало в дореволюционное время уделялось данному вопросу внимания, все же известная традиция в этом направлении сложилась. В советскую историографию, помимо ряда историков, она была перенесена А. А. Спицыным и проводилась в работах Б. А. Рыбакова.

В настоящее время правомерность использования византийских источников для восстановления истории племен Днепровского бассейна настолько ни в ком не вызывает сомнений, что некоторые исследователи, в частности, М. Ю. Брайчевский, считают себя вправе корректировать письменные источники с помощью археологических памятников Поднепровья, поскольку письменные источники расходятся с теми данными, которые дает среднеднепровский вещественный материал¹.

Рамки данной статьи лишают возможности остановиться на этом вопросе подробно. Поэтому здесь будет совершенно обойден вопрос о том, как назывались племена Поднепровья в VI—VII вв. — антами или русами, какую культуру следует называть «антской» — культуру полей погребений или культуру памятников VI—VII вв., или и ту и другую вместе, и как называть клады VI—VII вв. — «древностями антов» или «древностями русов». Не имея убедительных доказательств того, что привлекаемые нашими исследователями письменные источники говорят именно о Среднем Поднепровье, я не считаю возможным использовать их для восстановления исторического прошлого данного района.

При отсутствии для этого времени письменных источников мы оказываемся в трудном положении и с памятниками материальной культуры. До сих пор мы не имеем сколько-нибудь отчетливого представления ни о поселениях, ни о могильниках VI—VII вв. И. И. Ляпушкин констатирует это положение на Левобережье. Та же картина наблюдается и на правом берегу Днепра. Поэтому, обращаясь к изучению культуры VI—VII вв., мы вынуждены пользоваться только так называемыми «случай-

¹ М. Ю. Брайчевский. Об «антах» Псевдомиаврия. СЭ, 1953, № 2.

ными находками», главным образом вещевымикладами, «случайными в том смысле, — как пишет И. И. Ляпушкин, — что они не связаны ни с местами поселений, ни с могильниками оседлого населения»¹.

Действительно, если сравнить карту так называемых «случайных находок» VI—VII вв. (рис. 1) с картами распространения культуры полей погребений и роменско-боршевской культуры (рис. 2 и 3), то, несмотря на примерное совпадение общих границ распространения памятников всех трех периодов, внутри занятой ими территории места находок

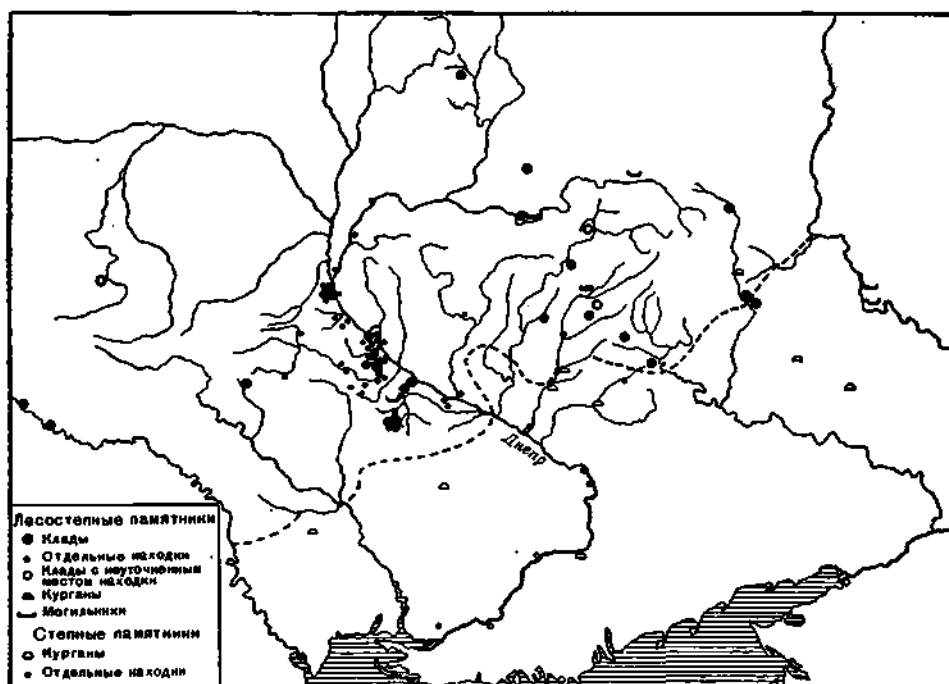

Рис. 1. Памятники VI — начала VIII в. на территории Среднего Поднепровья

вещей VI—VII вв. не совпадают ни с поселениями культуры полей погребений, ни с городищами роменской культуры. Та же картина наблюдается и на Правобережье, хотя последнее, к сожалению, еще плохо обследовано.

Подмеченное явление, повидимому, не случайно. Население, оставившее вещи VI—VII вв., очевидно, не пользовалось ни поселениями культуры полей погребений, ни городищами, позднее заселенными роменцами. Оно либо селилось на других местах, либо следует предположить, что оно вообще не было оседлым.

К последнему предположению, повидимому, и склоняется И. И. Ляпушкин. Правда, он нигде прямо не говорит, что население Левобережья было кочевым. Но трудно понять его иначе, когда он говорит, что памятники VI—VII вв. «не связаны ни с местами поселений, ни с могильниками оседлого населения, каковым должно считать антов... Поэтому очень трудно судить, в какой мере эти вещи свойственны антской культуре,

¹ И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, IX, 1947, стр. 134.

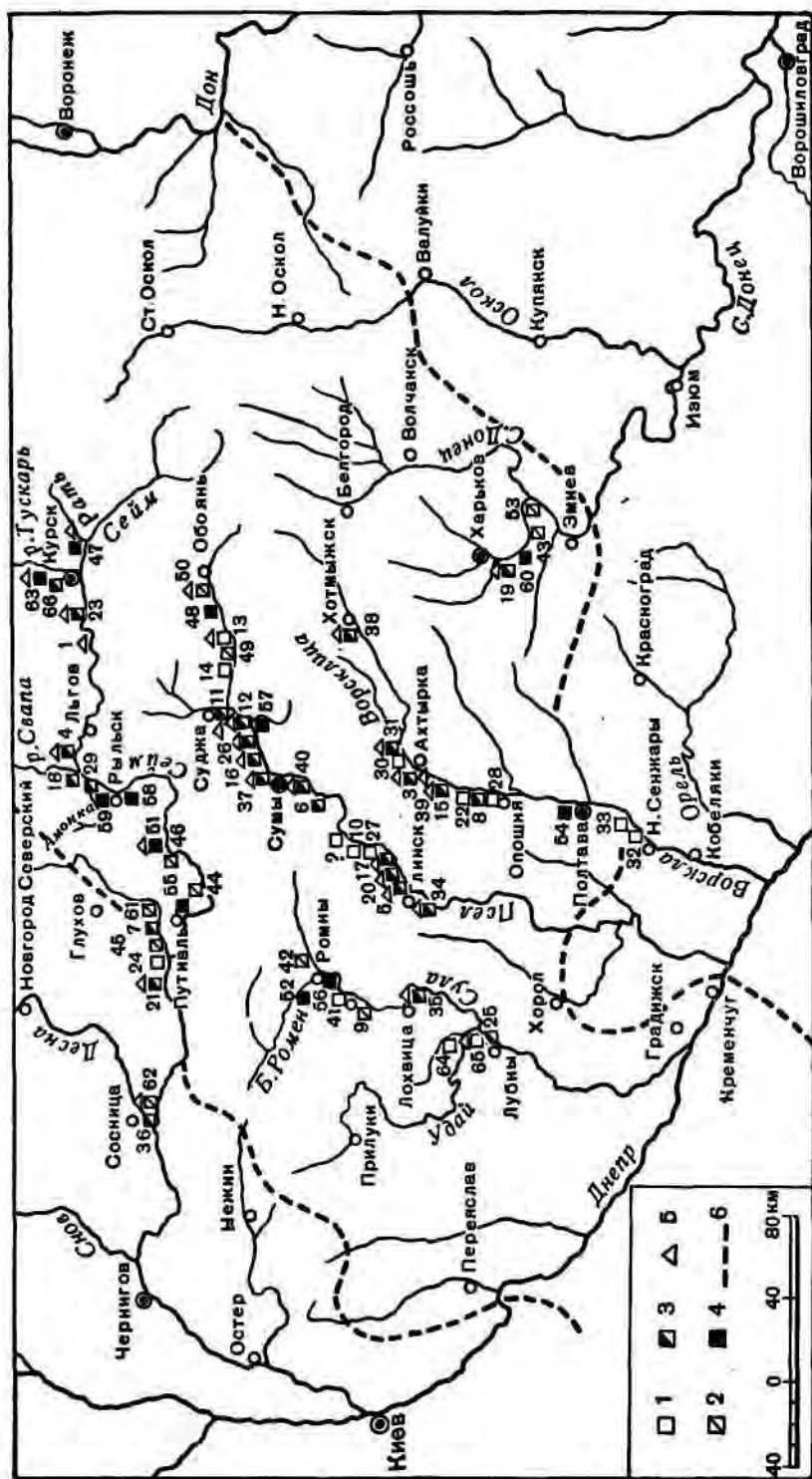

Рис. 3. Поселения роменско-борщевской культуры Днепрового левобережья. (По И. И. Любушкину)

тем более что памятники роменско-боршевской культуры, принадлежащие, бесспорно, славянскому населению, т. е., по видимому, потомкам антов..., ни в какой мере не увязываются с ними¹. Коротко говоря: единственно возможным оседлым населением на Левобережье в VI—VII вв., по мнению И. И. Ляпушкина, могут быть только анты. Найденные клады им не принадлежат. Вывод отсюда может быть только один: клады принадлежат неоседлому, т. е. кочевому, и, очевидно, не славянскому населению.

Оставляя пока в стороне вопрос о славянстве или неславянстве населения Среднего Поднепровья в VI—VII вв., остановимся на вопросе о его оседлости.

Вопрос о неоседлом, кочевом населении как правобережной, так и левобережной лесостепи должен быть решительно отброшен. В подтверждение данного положения следует указать на два обстоятельства.

1. Как показывают многочисленные факты, кочевники никогда не зарывают вещи в виде кладов. Все комплексы, с виду имеющие сходство с кладами, найденные в степях Причерноморья и Средней Азии, при ближайшем рассмотрении оказываются одинаковыми богатыми кочевническими погребениями. В литературе они часто именуется «кладами». Таковы Бирючинский, Терехинский, Ясиновский, Зачепиловский «клады»; таким же «кладом» является и Перещепинский «клад». Очевидно, кочевникам, по самому образу их жизни, не свойственно зарывать клады. Огромный кочевнический мир азиатских и европейских степей за многие века своего существования кладов после себя не оставил.

2. Топография вещевых кладов Киевской Руси (X—XIII вв.) показывает, что зарытие кладов производится, как правило, не в открытом поле, а подле жилья или поблизости от поселения. Находка клада, как правило, является признаком близкого обитания людей. Поэтому можно сказать, что топография кладов VI—VII вв. является топографией поселений VI—VII вв.

Чем же можно объяснить то загадочное явление, что мы до сих пор не знаем поселений и очень плохо знаем могильники, оставленные оседлым населением VI—VII вв.?

Прежде всего следует сказать, что наше познание их еще не означает их отсутствия. Загадок, подобных этой, в археологии не мало. Еще 50 лет тому назад культура полей погребений также не была известна, а до работ И. И. Ляпушкина она почти не была известна на Левобережье. Роменская культура стала известной также совсем не так давно, а на Правобережье она начинает появляться буквально на наших глазах. Кроме того, причина нашего незнания поселений VI—VII вв. отчасти лежит, очевидно, в том, что мы плохо представляем себе, что и где следует искать. До сих пор не обследованы места находок кладов, а между тем имеются сведения, что некоторые из них найдены в культурном слое. Не существует также четкого представления о том, были ли поселения VI—VII вв. открытыми, или это были городища. Судя по тому, что на Левобережье, при многолетнем его обследовании И. И. Ляпушкиным, городище старше ромевских (не считая скифских) не обнаружено, — следует думать, что поселения VI—VII вв. были открытыми. В связи с тем, что открытые поселения других культур находят, а поселения VI—VII вв. все же еще не найдены, следует подумать, не использовало ли население VI—VII вв. условия местности как-то по-иному, чем население других периодов.

¹ И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры, стр. 134.

Говоря об отсутствии поселений VI—VII вв., я не учитываю некоторые данные о них в работах украинских археологов Е. В. Махно и М. Ю. Брайтчевского. При отсутствии должной публикации материалов и при заметной тенденциозности в интерпретации материала в их работах трудно судить, насколько эти данные могут считаться установленными.

Я не учитываю также указания П. Н. Третьякова на большое количество как открытых поселений, так и хорошо укрепленных городищ VI—VII вв., якобы известных археологам. Говоря об этом, П. Н. Третьяков имеет в виду как более поздние городища роменско-боршевского времени, так и более ранние поселения культуры полей погребений¹.

Не располагая данными о поселениях и не имея возможности в полной мере использовать небольшой материал могильников VI—VII вв., мы вынуждены при изучении интересующего нас периода пользоваться одними кладами и случайными находками отдельных вещей. Материал этот специфический, однако отношение к нему бывает иногда излишне скептическим. На все интересующие нас вопросы он, конечно, ответить не может. Так, нельзя считать удачной последнюю попытку Б. А. Рыбакова по данным кладов определить границы территорий, занятых отдельными славянскими племенами (северянами, русами, полянами)². По материалам кладов задача эта невыполнима, так как украшения из кладов являются не узкоплеменными, а общими для определенных слоев населения большой территории с этнически однородным населением. Однако для освещения ряда проблем материал кладов вполне пригоден и по нему можно сделать немало ценных наблюдений.

* * *

В южной части Восточной Европы, в основном в бассейне Днепра и частично в бассейне Дона, известно довольно значительное количество комплексов, обычно называемых «кладами», относящихся к интересующему нас периоду.

Внимательное изучение этих комплексов показывает, что по ряду признаков они совершенно четко делятся на две категории. Во-первых, комплексы делятся на две группы по вещевому составу, во-вторых, соответственно характеру вещевого состава комплексы размещаются в пределах двух различных растительных зон: одна группа — в степи, другая — в лесостепи; в-третьих, комплексы, происходящие из лесостепи, представляют собой как клады, так и инвентарь погребений, степные же комплексы являются только погребальными памятниками; ни одного клада в степи не найдено.

Неизменная повторяемость подмеченных особенностей не может быть случайной. Вещевой состав, территория распространения и характер комплексов каждой из этих групп совершенно различны. Вряд ли могут быть сомнения в том, что две группы памятников, различных по всем основным признакам, принадлежат не одной, а двум различным этническим группам населения, из которых одна жила в степи, другая — в лесостепи. Население южнорусских степей — это кочевники, оставившие после себя ряд богатых одиноких погребений и не оставившие кладов. Население же лесостепи — оседлое, зарывавшее клады возле своих поселений.

¹ П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 163.

² Б. А. Рыбаков. Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина. ВП, 1952, № 9; с г о же, Древние русы. СА, XVII, 1953, стр. 23.

На данном вопросе приходится останавливаться потому, что в археологической литературе он решается недостаточно четко. Еще со времен А. А. Спицына принято считать, что так называемые «древности антов», т. е. клады особого характера, зарытые оседлым населением в VI—VII вв., связаны с лесостепью¹. Против этого никто не возражает. Однако отчетливого представления о том, что нельзя пользоваться степными памятниками для характеристики культуры лесостепных племен, у исследователей нет. Так, желая по что бы то ни стало подтвердить археологическим материалом сведения древних авторов о воинственности антов и не находя в Среднем Поднепровье оружия, М. Ю. Брайчевский использует находки сабель в степных погребениях². Для М. Ю. Брайчевского не существует разницы между комплексами степными, кочевническими и памятниками лесостепи. Особенно цепко держатся слависты за Перещепинский комплекс. Б. А. Рыбаков обвиняет археологическую науку в плохой традиции за то, что она отдавала Перещепино степным народам. «Настоящими хозяевами этих сокровищ надо считать, — пишет он, — антов, грабивших в VI в. византийские города»³. В 1943 г. в статье «Ранняя культура восточных славян» Б. А. Рыбаков красочно описывает пирующую дружину антского князя, используя для этого богатейший набор золотой и серебряной утвари из Перещепина⁴. П. Н. Третьяков считает Перещепинский «клад» имуществом «удачливого военачальника», водившего славянские дружины в Византию⁵. В своей последней статье 1952 г. М. Ю. Брайчевский также считает Перещепино сокровищем славянского князя⁶.

Однако как бы ни было заманчиво видеть в Перещепине и ряде других богатых степных комплексов памятники славянской культуры, от этого все же приходится отказаться. Достаточно сопоставить вещевой состав кладов лесостепи с вещевым составом степных комплексов, чтобы увидеть громадную разницу между этими группами памятников.

Подробно охарактеризовать здесь каждую из этих групп невозможно. Ниже дается лишь краткое описание каждой из них с расчетом на то, что материал этот более или менее известен.

Клады, происходящие из лесостепной зоны, состоят, за редчайшими исключениями, из предметов личного убора: пальчатых и антропоморфных ф и б у л, литых и кованых б р а с л е т о в с широкими концами, литых и тисненых с е р е ж е к, проволочных двуспиральных подвесок, прорезных поясных б л я ш е к, круглых и трапециевидных п о д в о с о к к ожерельям, пастовых и стеклянных б у с и ряда других мелочей — тонких т р у б о ч е к, свернутых из пластины, ворворок от к и с т е й и пр. Вещи эти сделаны из бронзы или довольно низкопробного серебра преимущественно путем литья иковки. Золото представляет редчайшее исключение. Приемы украшения вещей довольно просты — гравировка, пунсон. Основной эффект придает вещам их форма. Заметна склонность к прорезам. В некоторые типы украшений искусно вплетены антропо- и зооморфные мотивы. Наиболее сложными по форме являются фибулы и серьги, которым уделялось максимальное внимание, наряду

¹ А. А. Спицын. Древности антов. Сб. в честь А. И. Соболевского. М., 1928.

² М. Ю. Брайчевский. Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен VI—VIII ст. «Археологія», т. IV, 1950, стр. 41—42.

³ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь, стр. 330.

⁴ Б. А. Рыбаков. Ранняя культура восточных славян. Исторический журнал, 1943, № 11—12, стр. 79.

⁵ П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 185.

⁶ М. Ю. Брайчевский. Антський період в історії східних слов'ян. «Археологія», т. VII, 1952, стр. 28 и 31.

с бесконечно разнообразными поясными накладками довольно строгих геометрических форм.

В основном состав вещей, входящих в клады, представляет собой части металлического женского убора — фибулы, серьги, браслеты, ожерелья и в меньшей мере относится к мужскому костюму — наборный пояс, может быть, браслеты. Ни в одном кладе не найдено предметов конского снаряжения. Оружие (2 копья) оказалось только в одном кладе, найденном на самой границе со степью (Колосково, б. Воронежской губернии). Ни в одном кладе не найдено монет.

Из вещей, не типичных для всей массы кладов, уникальных, следует указать на серию исключительно интересных серебряных фигурок — человеческих и звериных (кони и «бегемоты») — из Мартыновского клада на правобережье Днепра; назначение их неясно.

Необычными для кладов этой территории являются также найденные в том же Мартыновском кладе два небольших серебряных сосуда, из которых один имеет на дне клейма константинопольских мастерских VI в.

Вторая группа памятников, связанных с кочевнической степью, значительно отличается от первой. В основном это инвентарь богатых погребений. Если украшения лесостепи были сделаны из бронзы и серебра, а золото было встречено только трижды и то в мелких поделках, — то вещи степной группы памятников изготовлены почти исключительно из золота и серебра. Количество золота в степных памятниках огромно. Из него сделаны не какие-то мелкие вещицы, а целые сосуды и даже комплекты сосудов.

Большое количество сосудов — кувшинов, чаш, блюд и пр. — сделано также из серебра; на многих сосудах — клейма византийских мастерских VI—VII вв.

Подавляющее число личных украшений — из золота; бронзовые вещи обтянуты золотым листом.

Техника изготовления вещей и приемы декорации очень разнообразны: ковка, чекан, тиснение, литье, инкрустация, зернь, эмаль, паста, драгоценные камни, смальта — все приемы обработки, доступные ювелирам древности, использованы при изготовлении этих вещей.

Кроме золотых и серебряных сосудов и предметов личного убора, в степных комплексах часто встречаются оружие (главным образом сабли), конское снаряжение (стремена, удила, убранство седел и сбруи), а также золотые византийские монеты преимущественно VII в. (602—668 гг.), что, как отмечено выше, полностью отсутствовало в первой группе памятников.

Даже самая беглая характеристика двух групп памятников показывает, насколько они различны: в одной — почти исключительно предметы личного убора, преимущественно женские украшения, в другой — оружие, конское снаряжение, золотые и серебряные сосуды.

Эти различия, в частности, отсутствие в первой группе оружия, в известной мере вызваны тем, что различен самый характер комплексов: лесостепь представлена в основном кладами, степь — погребениями. Однако это все же не является определяющим моментом. Сопоставление лесостепных погребений и лесостепных кладов не дает различия в вещах, в то время как сопоставление личных украшений лесостепи и личных украшений степных комплексов обнаруживает значительные между ними различия. Так, в степных погребениях ни разу не было найдено ни одной фибулы — ни пальчатой, ни антропоморфной, в то время как в лесостепных кладах эта деталь костюма встречается наиболее часто. В степи нет также типичных для кладов Среднего Поднепровья сережек, колых

браслетов и многих других предметов личного убора оседлого лесостепного населения. Это, безусловно, свидетельствует о том, что не только металлический убор, но самый костюм владельцев всех этих ценностей был различен, что видно хотя бы по тому, что в степи нет фибул.

Таким образом, анализ памятников приводит к совершенно определенным выводам: в VI—VII вв. в южной части Восточной Европы существовало два разных мира — кочевнический мир южнорусских степей и оседлое население лесостепной полосы. Оба мира были различны по своему общественно-экономическому строю, по культуре, по своим политическим интересам, вследствие чего при характеристике одной группы населения использование памятников другой группы населения недопустимо. Тем не менее вряд ли можно предположить, что оба мира существовали изолированно и не входили друг с другом ни в какое соприкосновение.

Можем ли мы на основании имеющихся материалов определить характер этих взаимоотношений? В полной мере охарактеризовать их, конечно, невозможно, так как клады и погребения — слишком специфический, односторонний материал. Однако выявить некоторые стороны взаимоотношений степи и лесостепи удастся и по материалам кладов. Для решения этого вопроса, однако, необходимо прежде несколько уточнить существующую датировку кладов.

Общая датировка кладов VI—VII вв. была дана еще А. А. Спицыным в 1928 г.¹ Она осталась неизменной до сего времени и зиждется в основном на сопоставлении материалов кладов с памятниками ряда датированных могильников оседлого населения Причерноморья и Северного Кавказа, в которых имеются вещи как сходные, так и тождественные памятникам Среднего Поднепровья (Суук-су, Борисовский и Агойский могильники). Можно указать еще ряд пунктов и бассейне Дуная, где в ряде комплексов, безусловно местного происхождения, имеются вещи, аналогичные среднеднепровским. Однако все эти аналогии указывают лишь на то, что в кладах Среднего Поднепровья, действительно, имеются вещи VI—VII вв., но они не помогают определению времени зарытия кладов.

Между тем анализ состава кладов показывает, что в них есть вещи не только VI—VII вв., но и более поздние. Не имея возможности подробно остановиться на обосновании поздней датировки группы вещей среднеднепровских кладов, перечислю лишь типы поздних украшений, находящихся аналогии в целом ряде комплексов не VI—VII вв., а VIII и даже IX в.

Это в первую очередь большие пластинчатые фибулы — дериваты литых антропоморфных фибул. Аналогии им в виде фибулообразных пластинчатых блях известны в ряде поздних комплексов — в нескольких погребениях VIII—IX вв. из аланского могильника близ Нальчика (м. Песчанка) и в кладе IX в. б. Полтавской губернии (с. Ивахники). К тому же времени относятся одинаковые с фибулами по стилю и технике пластинчатые подвески с пунсонным орнаментом — круглые, трапециевидные, в виде трехрогих лунниц, квадратные. К поздним же вещам относится определенный вид поясных бляшек в виде дужки или лунницы, известный как в кладах Поднепровья, так и в тех же северокавказских (Песчанка, Галиат) и ряде других могильников VIII—IX вв. (урочище Игрище б. Курской губернии, Броды б. Пермской губернии). Такая же бляшка найдена на Боршевском городище (X в.). Все эти вещи, число которых в кладах менее значительно, чем вещей VI—VII вв., тянутся к позднему, а не к раннему времени. По всей совокупности данных я датировку эту группу вещей началом VIII в., что и определяет время зарытия тех кладов, в которых такие вещи имеются, не ранее начала VIII в.

¹ А. А. Спицын. Ук. соч.

Клады с одними поздними вещами неизвестны; вещам поздним всегда сопутствуют вещи более ранние. В некоторых случаях эти ранние вещи имеют следы длительной носки; многие из них сильно потерты, некоторые вещи починены еще в древности (Харивка). Очевидно, состав многих кладов слагался в течение долгого времени и представляет имущество ряда поколений.

Можно ли определить, какие клады были зарыты в VI—VII вв., а какие уже в VIII в.?

Из 25 кладов только некоторые не содержат безусловно поздних вещей (Мартыновка, Ржавец, Хацки). Отсутствие поздних признаков еще не служит доказательством того, что они были зарыты раньше остальных. Как показывают наблюдения, многие клады, зарытые во время нашествия монголов, не содержали вещей, современных этому событию, т. е. состояли из вещей гораздо более древних, чем в XIII в. Но если из осторожности мы все же допустим, что эти три клада были зарыты еще в VI—VII вв., то останется еще 22 клада, которые были, по видимому, зарыты примерно в одно и то же время — в начале VIII в.

Наблюдение это представляет большой интерес. Оно проливает свет на историческое прошлое целого района, население которого в определенный период времени по каким-то причинам было вынуждено зарывать свои ценности в землю.

Следует заметить, что исследователи не всегда правильно подходят к вопросу о причинах зарытия кладов. Большое количество кладов в каком-либо районе большей частью рассматривается только как признак высокоразвитого здесь ремесла и особого значения данного района. Совершенно неправильно представляет себе зарытие кладов М. Ю. Брайчевский, который считает, что земля служила для ценностей своеобразным сейфом, что население х р а н и л о в обычное время ценности «в виде кладов, откуда они в любой момент могли быть взяты»¹.

На самом деле вещевые клады зарывают только в момент опасности. Обилие кладов в первую очередь говорит о каком-то стихийном бедствии, постигшем население определенного района. Клады остаются кевыкопанными не потому, что зарытые ценности оказались их владельцам ненужными, а потому, что владельцы их либо погибли, либо не смогли вернуться на место зарытия клада.

Существует также мнение, что клады Поднепровья состоят из вещей, награбленных во время походов на Византию. «Дружины центра антской земли — полян, — писал Б. А. Рыбаков, — возвращались с награбленной добычей на берега Днепра, где остатки этой добычи сохранились... в виде кладов византийских вещей VI—VII вв.»². Того же мнения придерживается и П. Н. Третьяков, говоря, что «в беспокойное время Балканских войн не было надежнее средства сохранить ценности, как спрятать их в землю в потаенном месте»³. Эти утверждения основаны на ошибочных фактах: во-первых, — на смешении днепровских племен с дунайскими антами, совершавшими набеги на Византию; во-вторых, — на недопустимом использовании памятников кочевнической степи, в частности, Перешипина, для характеристики оседлого населения лесостепи.

В кладах Среднего Поднепровья, кроме двух чаш Мартыновского клада, византийских вещей нет. Византийского серебра много только в степных комплексах. Поэтому представление об обилии в кладах Поднепровья византийских вещей не соответствует действительности.

¹ М. Ю. Брайчевский. Апский период..., стр. 28.

² Б. А. Рыбаков. Ранняя культура восточных славян, стр. 79.

³ П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 182.

Однако и в степи византийского серебра совсем не так много, во всяком случае его гораздо меньше, чем серебра «восточного».

Вопросу о появлении «восточного серебра» в Прикамье посвящена большая литература. Мнения исследователей сходятся на том, что оно проникло на север через арабских купцов в обмен на пушнину. Вопросу же о путях и причинах проникновения «восточного серебра» в южнорусские степи до сих пор не уделено внимания. Между тем совершенно ясно, что в обмен на пушнину в степи серебро идти не могло; найдено же серебра в степях очень много — около $\frac{1}{2}$ всего привозного серебра Восточной Европы.

При определении путей проникновения импортных сосудов в южнорусские степи существенное значение имеет вопрос о том, кто владел началом водного пути из Средней Азии в Восточную Европу, в чьих руках было устье Волги.

Известно, что во второй половине VII в. хозяевам прикаспийских территорий становятся хазары, а Итиль делается узловым пунктом, в котором сходятся пути восточных и европейских купцов. Известно также, что в этой международной торговле хазары играли роль только посредников, взимая десятины с провозимых товаров. Десятина была одним из основных государственных доходов. Если одна часть восточного серебра шла в обмен на пушнину в далекое Прикамье, то другая могла оседать в виде десятины в самом Итиле, накапливаясь в руках правящей и административной знати. Найденная в устье Дояа чаша восточной работы, по-видимому, является следом существовавшей и здесь таможенной заставы, о которой пишут арабские географы.

Из Итиля серебро проникало в пределы подвластной хазарам территории. В том или ином количестве оно найдено в ряде богатых степных комплексов. Таковы находки серебряных и золотых сосудов в б. Земле Войска Донского, в селах Лимаровке и Павловке в бассейне Донца, в с. М. Перещепине на Ворскле.

Из сказанного следует, что никакого отношения к Балканским войнам основная масса серебра южнорусских степей не имеет, так же как не имеет отношения и к славянскому населению Среднего Поднепровья. Следовательно, клады Среднего Поднепровья зарыты не в связи с Балканскими войнами¹, опасность которых для населения Среднего Поднепровья представляется весьма сомнительной, а вследствие каких-то иных причин. Врагов оседлого населения Среднего Поднепровья следует искать не на Балканах, а ближе.

Обратимся к топографии кладов (рис. 1). Всего кладов VI—VIII вв. в настоящее время известно 25, из них 13 было зарыто на Левобережье — в среднем течении Сейма, в верховьях Псла и Ворсклы, а также Донца и Оскола. Прибрежная широкая полоса Левобережья, не заселенная ни до, ни после VI—VII вв., лишена кладов. Остальные 12 кладов и значительное количество отдельных вещей VI—VIII вв. происходит с неширокой полосы Правобережья между Тясмином и Десной. Часть находок группируется в бассейне Тясмина, другая — в бассейне Роси и третья — между Стугной и Киевом.

Наиболее густая сеть находок покрывает Поросье. Следует учесть, что во многих пунктах отдельные вещи VI—VIII вв. были найдены повторно и неоднократно (Княжа Гора, Хмельна, Григорьевка, Пекари, Сахнонка) и что около 30 точек совсем не нанесено на карту, так как известны только уезд (главным образом Каневский), в котором найдены вещи VI—VIII вв.

¹ П. П. Третьяков. Ук. соч. стр. 182

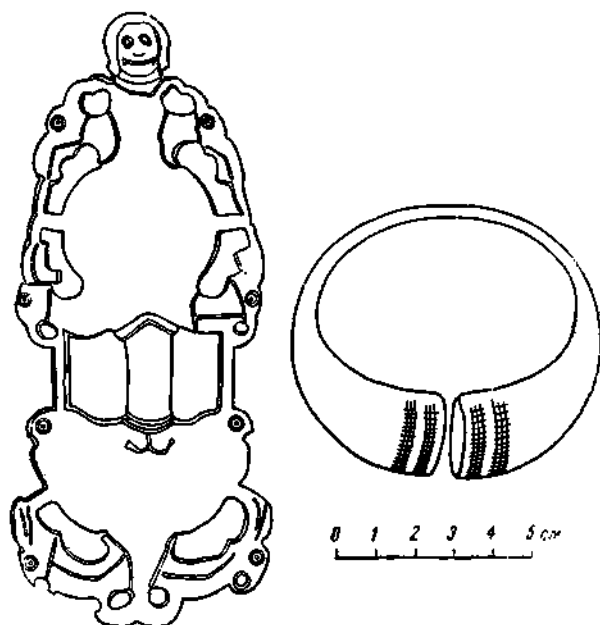

Рис. 4. Фибула и браслет, найденные на Малой Житомирской улице (Киев)

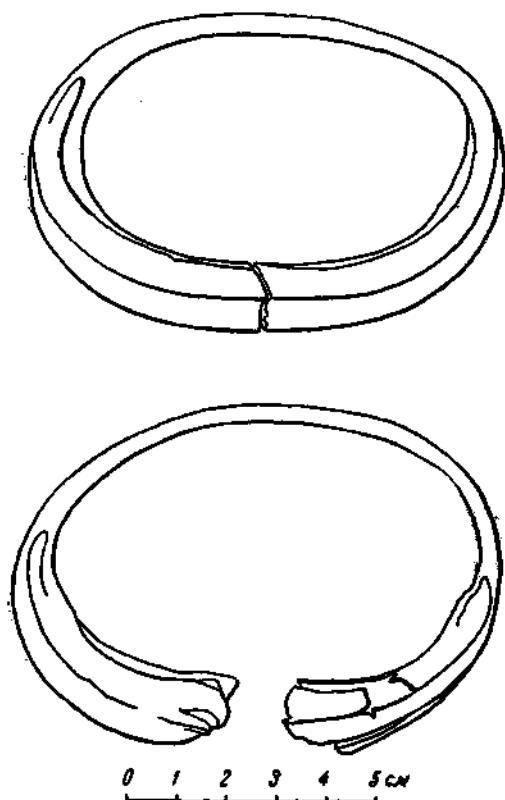

Рис. 5. Серебряные браслеты, найденные «за Софийским собором» (Киев). Коллекция И. А. Хойновского

В бассейне Тясмина находки встречаются реже, но именно здесь находится Пастерское городище, на котором в разное время обнаружено огромное количество памятников VI—VIII вв. Их находят здесь с давних пор до сего дня и во время раскопок, и при огородных работах. Три клада (1892, 1898 и 1949 гг.), более сотни фибул всевозможных типов, вплоть до наиболее поздних — начала VIII в., и множество других вещей, происходящих с Пастерского городища, составляют богатейшую коллекцию памятников VI—VIII вв.

Третий район — Киев и его окружение — наиболее беден памятниками VI—VIII вв. До недавнего времени история Киева в I тысячелетии н. э. была слабо изучена. Лишь несколько лет тому назад М. К. Каргер собрал ряд данных о находках кладов римских монет, античных камней и погребений первых веков нашей эры на территории будущего Киева¹. Далее существовала лакуна вплоть до VI—VII вв. Для VI—VII вв. в Киеве была известна только одна антропоморфная фибула с Малой Житомирской улицы. Далее вновь существовала лакуна вплоть до IX—X вв.

В последнее время удалось несколько заполнить эти лакуны. Нельзя сказать, чтобы в настоящее время количество памятников этих темных периодов в истории Киева увеличилось значительно. Их попрежнему мало, но те вещи, которые удалось собрать, «заполняют» недостающие звенья в истории заселения Киева.

В разные годы на территории Киева обнаружены отдельные памятники I тысячелетия н. э., разошедшиеся по частным коллекциям и большей частью не сохранившиеся. Среди них есть римская выемчатая эмаль, золотые вещи типа «вещей с инкрустацией», стеклянный бальзамарий, фибула со сканью и зернью рубежа IV—V вв., аналогичная фибулам Сакрау, Люблинского клада 1839 г. и др. Далее следуют сравнительно многочисленные находки VI — начала VIII в. Среди них пальчатая и антропоморфные фибулы, полые и кованые браслеты, матрица для ременных накладок.

К сожалению, киевские находки VI — начала VIII в. очень плохо документированы, поэтому лишь предположительно некоторые из них могут быть сочтены за клады. Перечислю некоторые из вещей VI—VIII вв.

В 1893 г. при устройстве канализации в Киеве (точнее место неизвестно) найдена «фибула низкопробного серебра с прорезным орнаментом... На обоих концах подобия женских торсов в одежде. На обороте петля и зацепка для иглы»². Повидимому, это была небольшая антропоморфная фибула.

До 1897 г. в Киеве, в районе Щекавицы, была найдена потиновая антропоморфная фибула позднего типа³.

На Малой Житомирской улице в Киеве, неизвестно когда, но, во всяком случае, до марта 1894 г., были найдены еще две вещи интересующего нас времени — большая антропоморфная фибула с изображением человеческой фигуры, окруженной конскими головами, а также серебряный браслет с полыми расширенными концами (рис. 4). Сведений о том, что обе эти вещи были найдены вместе, не имеется. Может быть, они и не составляли какого-то маленького комплекса или части комплекса. Однако

¹ М. К. Каргер. К вопросу о древнейшей истории Киева. СА, X, 1948, стр. 235—254.

² И. А. Хойновский. Краткие археологические сведения о предках славян и руси. Киев, 1896, стр. 56, № 494. Размеры фибулы: длина — 8,9 см, ширина — 3,3 см.

³ Указатель выставки Киевского общества древностей и искусств 1897 года. Киев, 1897, стр. 13. Указанием на находку данной фибулы и обязана М. К. Каргеру.

находка их на одной улице, при бедности Киева вещами VI—VIII вв., делает предположение об их совместной находке вероятным¹.

«В старом городе, за Софийским собором» была найдена пара серебряных браслетов с расширенными полыми концами². Определение места

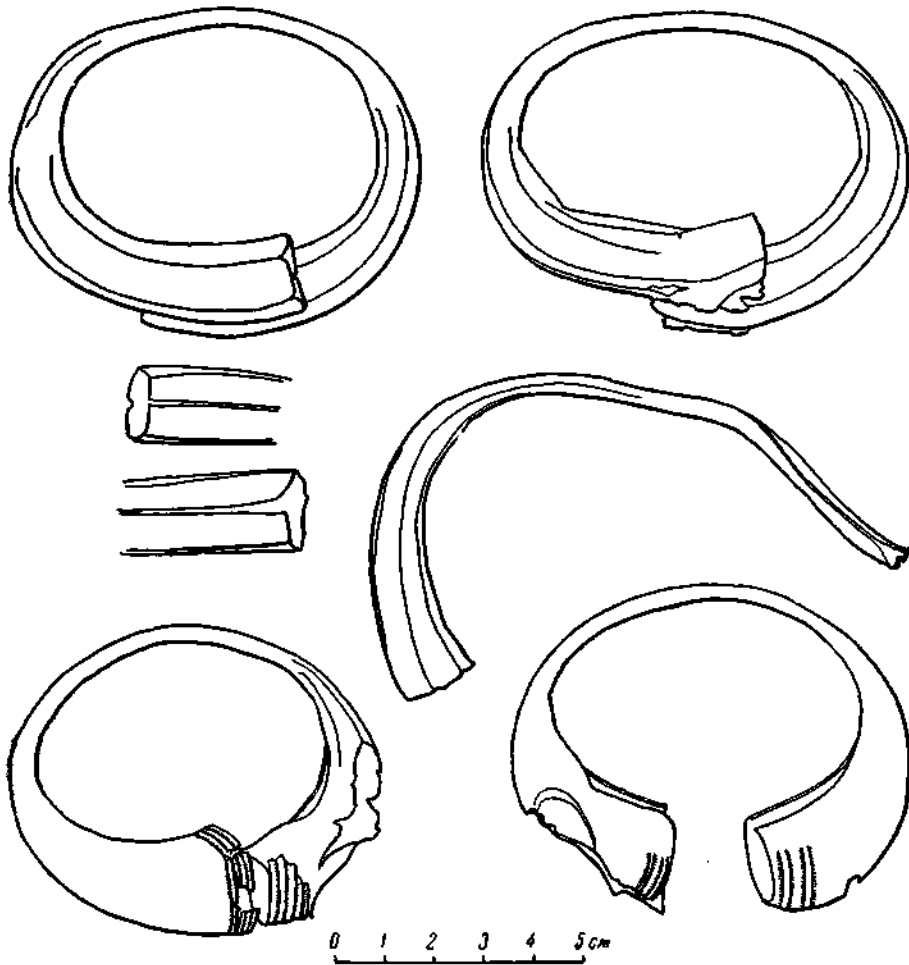

Рис. 6. Серебряные браслеты. Киевский исторический музей [Киев (?)]. Коллекция Е. М. Терещенко

находки — «за Софийским собором» — крайне расплывчато, но все же оно указывает на близость к Софийскому собору (рис. 5).

Последняя находка может быть локализована в пределах Киева лишь с большой долей вероятности. В Киевском историческом музее хранится

¹ Н. И. Петров. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вп. IV—V. Киев, 1915, табл. VIII, 1 и IX, 1; его же Указатель церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев, 1897, стр. 269, № 790 и стр. 270, № 852; его же. Коллекция древних предметов и монет, пожертвованных церковно-археологическому музею при Киевской духовной академии... Н. А. Леопардовым. Киев, 1895, стр. 36, № 476 и 482.

² И. А. Хойновский. Ук. соч., стр. 103, № 613, табл. V, 613.

пять серебряных браслетов с расширенными полыми концами (рис. 6). Они поступили в Археологический отдел Киевского музея древностей и искусств в 1905 г. от Е. М. Терещенко. Откуда эти браслеты были у Е. М. Терещенко, — неизвестно. Киевские домовладельцы часто жертвовали в музей вещи, найденные на их собственных усадьбах. Где находилась усадьба Е. М. Терещенко, — установить не удалось. В 90-х годах XIX в. и в начале XX в. известны три усадьбы Терещенко в Киеве: на Бибицком бульваре (ныне бульвар им Т. Г. Шевченко), на Бульварно-Кудрявской улице и на Стрелецкой улице, дом № 14, но это были усадьбы И. Н. и А. Н. Терещенко. Взаимоотношения их с Е. М. Терещенко, владельцем браслетов, не установлены. Поэтому только с некоторой долей вероятности местом находки полых браслетов можно считать указанные улицы.

Но иногда киевские меценаты жертвовали в музей вещи, купленные на стороне. В таком случае браслеты Е. М. Терещенко могли быть найдены и вообще за пределами Киева.

* * *

Чем же вызвано зарытие ценностей в начале VIII в.? Для этого должна была существовать серьезная причина, общая для всей территории, с которой происходят клады. В спокойное время клады, как правило, не зарывают. Следовательно, искать причину надо в какой-то общей опасности, угрожавшей населению большой территории.

Известно, какую постоянную опасность представляла для оседлого населения Среднего Поднепровья кочевая степь. На рубеже IV и V вв. нашествие гуннов смело на огромной территории население культуры полей погребений. На обоих берегах Днепра и на левом берегу нижнего и среднего Днестра население покинуло свои жилища¹.

Как говорилось выше, население VI—VIII вв. в Поднепровье, судя по топографии кладов, избрало новые места для поселений. Та же картина наблюдается вторично и в ромевско-боршевское время, когда роменцы выбирают для своих городищ не те пункты, в которых найдены клады VI—VIII вв.

Повидимому, и в начале VIII в., как на рубеже IV и V вв., причиной ухода или гибели населения на определенной территории было вторжение кочевников. С кем же из многочисленных кочевых племен, прошедших через Восточную Европу, может быть связано это новое и, видимо, значительное опустошение?

Зверства аваров оставили глубокий след в памяти славянских племен. Но авары прошли по южнорусским степям значительно раньше, и в VI в. они были уже за Карпатами. Повидимому, с ними и может быть связано зарытие нескольких более ранних кладов в Среднем Поднепровье (Мартыновка, Ржавец, Хапки), а также клада с восточными сосудами на Волыни близ м. Хомякова. С аварами же могут быть связаны клады VI—VII вв., зарытые в бассейне Днестра (Крылос, Залесье). Но основная масса среднеднепровских кладов, зарытых уже в начале VIII в., с аварами связана быть не может.

Во второй половине VII в. с низовьев Волги степями прошли на Балканы болгары. В начале VIII в. в Поднепровье их уже не было.

Движение угров через Восточную Европу относится к более позднему периоду — в основном уже к IX в.

¹ М. А. Тиханова. Культура западных областей Украины в первые века нашей эры. МИА СССР № 6. 1941, стр. 276 и др.; в е же раздел в «Истории Молдавии», т. 1. Кишинев, 1951, стр. 42.

Самым вероятным представляется вторжение хазар, которые, получив после ухода болгар полную самостоятельность, начинают играть в степях заметную роль. Это крупное в истории Хазарского каганата событие падает на вторую половину VII в. Однако в течение VII в. хазары были заняты на Кавказе арабами, а поэтому ранее начала VIII в. не могли проявить какую-либо активность в отношении славянских племен.

Вероятность зарытия кладов в связи с хазарским вторжением подтверждается также следующими наблюдениями. Гунны, авары и многие другие кочевники, проходя южнорусские степи, устремились на запад. Поэтому следы деятельности этих «проходящих» кочевников обнаруживаются вдоль всего пути их следования — и в бассейне Днепра, и в Поднестровье, и на Дунае. Хазары же не были «проходящими» кочевниками. Владея определенной территорией около Каспийского моря, они постепенно увеличивали подвластные им земли, не покидая основной, постоянной территории. Западнее днепровского Правобережья хазарские владения, насколько известно, не простирались, что вполне соответствует топографии кладов этого времени.

Русские летописи не позволяют определить время наложения хазарами дани на некоторые славянские племена. Вообще письменные источники дают очень немного для освещения славяно-хазарских отношений. Тем не менее они столь существенны, что без них было бы значительно труднее разобраться в археологическом материале.

Во-первых, летопись сообщает о дани хазарам, которую платили им некоторые славянские племена; следовательно, летопись устанавливает факт зависимости этих племен от хазар. Во-вторых, летопись сообщает о границах распространения власти хазар среди славянских племен. Данниками хазар оказались вятичи, северяне, радимичи и полняне. Летопись сообщает также, что до появления Аскольда и Дира, т. е. до второй половины IX в., полняне все еще платили хазарам дань, а другие племена платили ее еще и позже.

Таким образом, летопись дает канву событий.

В исторической литературе до недавнего времени существовало мнение, что славяно-хазарские отношения были мирными и что наложение дани на славян прошло без особых конфликтов. Насколько позволяет судить об этом имеющийся археологический материал, мнение это ошибочно. Клады, зарытые на всей территории Левобережья и на части Правобережья, т. е. на той территории, о которой именно и говорит летопись, свидетельствуют о серьезной опасности, которую несло с собой вторжение хазар. Пройдя Днепр, хазары не пошли далеко на запад, как это сделали гунны. Судя по топографии находок, они заняли на Правобережье лишь прибрежную полосу от Тясмина до Киева. Известно, что из Киева шла дань хазарам до второй половины IX в. К тому же времени, повидимому, относится появление второго, хазарского, наименования Киева — Самбат.

Поселение на месте Пастерского городища после удара, нанесенного ему хазарами, видимо, не возродилось. Во всяком случае памятников более позднего времени, чем VIII в., здесь пока не обнаружено. Чрезвычайно интересен факт находки на Пастерском поселении керамики салтовского типа, что свидетельствует о пребывании здесь в течение какого-то времени населения далеких юго-восточных территорий.

К сожалению, мы почти не располагаем данными о поселениях этой поры, которые могли бы значительно уточнить и расширить наши знания в этой области. Поэтому до тех пор, пока не будут проведены серьезные археологические работы по отысканию и исследованию поселений VI в.—

начала VIII в., предложенная мною интерпретация письменных и археологических источников должна считаться лишь предварительной.

Таким образом, в течение I тысячелетия н. э. культурный облик населения большей части лесостепной полосы Среднего Поднепровья менялся трижды. Эти изменения в культуре и были причиной того, что возникла мысль о смене населения. Желая избавиться от трудностей, некоторые исследователи попросту отрицают эти изменения в культуре. Так, М. Ю. Брайчевский отрицает последствия гуннского нашествия, объявляя их мифом. Таким же незначительным эпизодом он считает и второе крупное вторжение степняков, которое он связывает не с хазарами, а с аvaraми¹.

Весь процесс развития культуры М. Ю. Брайчевский пытается изобразить в виде плавного, эволюционного ряда. Между тем «представлять себе всемирную историю, — писал В. И. Ленин, — идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недialeктично, ненаучно, теоретически неверно»². Скачки на изучаемой территории в культуре I тысячелетия н. э. были, и закрывать на это глаза нельзя.

Правда, степень несвязанности культур Среднего Поднепровья в I тысячелетии н. э. несколько преувеличена. Когда И. И. Ляпушкин пишет, что в культурах полей погребений и роменско-боршевской нет сходных элементов, то в конце концов это и не удивительно, так как он сравнивает два периода, между которыми существовало еще одно, не учитываемое им, звено — период VI—VII вв. Он не учитывает его потому, что, по его мнению, на изучаемой территории памятники оседлости этого периода неизвестны. Впечатление об отсутствии генетических связей от этого только усиливается.

Как сказано выше, говорить об отсутствии оседлости на данной территории преждевременно. Следовательно, культура населения VI—VII вв. этого района не может быть оставлена неучтенной.

Но и восстановив опускаемое И. И. Ляпушкиным звено, мы не получим единой культуры, непрерывно развивавшейся на территории Среднего Поднепровья, начиная с рубежа н. э. вплоть до образования Киевского государства, культуры, отдельные элементы которой передавались из поколения в поколение. В этом отношении выводы И. И. Ляпушкина, сделанные им на материале Днепровского Левобережья, безусловно, правильны. Они верны не только для Левобережья, но и для всего Среднего Поднепровья в целом. Между культурой «полей погребений» и памятниками VI — начала VIII в., как и между памятниками VI — начала VIII в. и роменско-боршевской культурой преемственной связи нет. Отдельные общие черты в культурах этих трех периодов есть. Наиболее отчетливо видны они в предметах личного убора — в формах поясных пряжек, браслетов, сережек и пр. Но все это должно быть отнесено за счет связей населения Среднего Поднепровья с Северным Причерноморьем. Эллинистические традиции отчетливо видны не только в течение I тысячелетия н. э., но и позже. Они проходят красной нитью через всю культуру Киевской Руси, особенно ее южных областей. В архитектуре, в живописи, в художественном ремесле и даже в керамике эти традиции живут до самого монгольского завоевания. Богатые культурные традиции, проникавшие в течение многих столетий в Среднее Поднепровье из одних и тех же культурных центров Причерноморья как бы привели к различиям

¹ М. Ю. Брайчевский. Антський період... стр. 38, 39; его же. Археологічні матеріали..., стр. 45.

² В. И. Ленин. О брошюре Юнгуса. Соч. т. 22 стр. 296.

между культурами Среднего Поднепровья, не раз сменявшими друг друга на протяжении I тысячелетия н. э. Это и дает повод многим исследователям говорить о генетических связях между ними, о непрерывной цепи развития общества в Поднепровье, от скифов до Киевского государства включительно¹.

Вопрос об этнической принадлежности как носителей культуры «полей погребений», так и владельцев кладов с пальчатыми фибулами до сих пор является спорным. Не касаясь его в данной статье и не отдавая предпочтения ни одной из существующих точек зрения, укажу лишь, что территория, на которую обращено максимальное внимание советских исследователей, занимающихся проблемой генетических связей Киевской Руси с предшествующим ей периодом, не может дать ответа на вопрос об этих связях. История населения Левобережья и частично Правобережья Днепра, на которых сосредоточено все внимание исследователей, не типична для всего восточного славянства. В течение многих столетий эта территория была под постоянной угрозой вторжений, а иногда становилась ареной крупных разрушительных нашествий кочевых племен, вынуждавших население покидать свои жилища. После ухода или истребления большей части населения наступал, повидимому, период, когда оставленная территория не была заселена или была заселена крайне редко. Так было, повидимому, в V в. после нашествия гуннов. В какой-то мере то же самое было и после вторжения хазар в начале VIII в. Появлявшееся здесь население с территорий, не затронутых разрушениями, приносил с собой каждый раз иную культуру, и в зависимости от того, откуда приходила основная масса переселенцев, характер культуры каждый раз был иным. Поэтому культура изучаемой части Правобережья и всего Левобережья — это только отдельные этапы, отдельные лоскутки культур, развивавшихся на территориях, не подвергавшихся разрушениям. Непрерывное развитие культуры следует искать не там, где много кладов римских монет и пальчатых фибул, а там, где нет никаких кладов, т. е. к северу от Сейма и в районах глубокого Правобережья (Житомирщина, Волынь).

В этих районах, где опасность глубоких рейдов кочевников была меньше, можно надеяться найти нить непрерывного развития культуры с начала нашей эры вплоть до Киевской Руси, неоднократно обрывавшаяся на той территории, которая в настоящее время поглощает все внимание исследователей.

Опасность, которую представляла собой степь для Среднего Поднепровья, наглядно выступает при сравнении все тех же трех карт.

В течение I тысячелетия н. э. оседлое население Поднепровья постепенно отступало на север, отказываясь от южных территорий. Население культуры полей погребений еще селилось в бассейне Орели, но ромэнцы отошли уже к северу, в бассейн Ворсклы. На Правобережье в VI—VII вв. население занимало еще бассейн Тясмина, но государственная граница Киевской Руси проходила уже значительно севернее — по Роси.

Борьба со степью не прекратилась и во II тысячелетии н. э. Она проходит красной нитью через всю историю Киевской Руси и ликвидируется в сущности лишь в XVIII в. Но если во времена Киевского, а позже Московского государства, с их хорошо организованной обороной государственных границ, безопасность от внезапных вторжений степняков все же никогда не была гарантированной, то тем большую опасность представляла собой степь для разрозненных племен I тысячелетия н. э.

¹ Б. Д. Греков. Ук. соч., стр. 371—372.

Поэтому население Левобережья и некоторых районов правого берега Днепра не раз на протяжении I тысячелетия н. э. становилось жертвой крупных кочевнических вторжений, о чем красноречиво рассказывают археологические памятники.

В заключение следует указать, что работа по изучению этого важнейшего периода в истории древней Руси только начата. В этой области пока еще больше темных мест, чем твердо установленных фактов. Предстоит огромная работа по изучению вещественных памятников, так как только с помощью археологического материала, а не по данным византийских историков о дунайских антах, может быть восстановлено подлинное далекое прошлое нашего народа.
